

С.В. Дмитриев*,
М.Ю. Ульянов**

О книге переводов стихотворений Бо Цзюй-и

АННОТАЦИЯ: Статья содержит отклик на опубликованный перевод ста стихотворений Бо Цзюй-и в жанре *цзюэ-цзюй*, выполненный Н.А. Орловой. Выход этой книги стал заметным событием, она заняла достойное место в традиции поэтических переводов российской китаистики, а автору удалось совместить близость к оригиналу и стихотворную форму перевода. Новаторским является форма издания — перевод снабжён иероглифическим текстом и краткими пояснениями основных культурных и исторических реалий, упомянутых в стихотворениях. Выход книги позволяет поставить ряд важных вопросов о поэтическом переводе как таковом и, в частности, о том, какие приёмы, какие техники лучше использовать, выполняя поэтические переводы именно произведений китайской классической поэзии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайская классическая поэзия, поэзия эпохи Тан, творчество Бо Цзюй-и, переводоведение.

Сборники переводов классической китайской поэзии — явление по нынешним временам не частое, а потому желаемое. Являясь ответственным редактором и членом редакционной коллегии посвящённого

* Дмитриев Сергей Викторович, к.и.н., с.н.с. Отдела Китая Института востоковедения РАН, доцент кафедры истории Китая ИСАА МГУ, доцент УНЦ «Философия Востока» Философского факультета РГГУ, Москва, Россия. E-mail: ehidna-family@yandex.ru

** Ульянов Марк Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: ulm@mail.ru

© Дмитриев С.В., Ульянов М.Ю., 2017

ей 25-го выпуска «Учёных записок Отдела Китая»¹, мы могли видеть, как шла работа над данной книгой на завершающей стадии. Обычно редакторы не пишут рецензий и отзывов, поскольку, будучи сопричастными творческому процессу, не могут оставаться непредвзятыми. Однако жанр рецензий ныне явно переживает не лучшие времена, а упомянутая книга кажется нам как минимум небезынской; было бы крайне жалко, если бы она прошла незамеченной. К тому же она предназначена не только и не столько для профессионально квалифицированного читателя, способного самостоятельно оценить её достоинства и недостатки, но и для широкой публики, для которой, как мы полагаем, оценка плюсов и минусов книги может оказаться немаловажным подспорьем. По этой причине мы приняли решение написать данный текст, который ни в коей мере не претендует на то, чтобы считаться обычной рецензией. Скорее, мы пытались создать вспомогательный текст, нечто вроде отдельно публикуемого предисловия. Именно его мы представляем на суд читателя.

Художественный перевод китайской поэзии, в том числе эпохи Тан (618–907), имеет в России давнюю историю. В разное время интерес публики к этому роду литературы объяснялся разными причинами. Если в послевоенные годы, вероятно, главную роль играл огромный и поощряемый сверху энтузиазм в отношении КНР как страны побеждающего социализма, чьё появление на карте мира зримо (и географически, и демографически) расширяло социалистический лагерь, то в предвоенные годы, равно как и с начала 60-х до конца 80-х гг., когда отношения между двумя странами охладели, кажется, большую роль стал играть интерес читателей к восточной экзотике, блестяще проявлявшейся в эстетизме китайской поэзии. Немалую роль играла и явная близость лирики эпохи Тан к опальной и потому вдвойне любимой читающей публикой поэзии русского символизма, которая становилась особенно зримой из-за того, что многие переводчики китайской поэзии как поэты сформировались именно в эпоху Серебряного века.

Китайская поэзия стала далеко не только уделом специалистов или любителей ориентальной экзотики. «Восточные переводы», о которых писала переводившая дальневосточную поэзию А.А. Ахматова, стали немаловажным фактором советского и российского литературного и общественного дискурса, важной частью культурного багажа образованной публики и источником разного рода стилизаций

¹ *Бо Цзюй-и. Сто стихов цзюэ-цзюй / Перевод, предисловие, комментарии Н.А. Орловой. Отв. ред. М.Ю. Ульянов. (Учёные записки Отдела Китая. Вып. 25). М.: ИВ РАН, 2017. 218 с., ил.*

и литературных мистификаций. Трудно, если вообще возможно, вспомнить заметных поэтов послевоенной поры, оставшихся равнодушными к китайской теме, звучавшей в России прежде всего на языке переводов китайской лирики.

При этом надо отметить, что китайскую поэзию переводили далеко не только поэты — в числе переводчиков были и блестящие китаисты, такие как В.М. Алексеев (1881–1951), А.А. Штукин (1904–1963), Ю.К. Щуцкий (1897–1938), Б.А. Васильев (1899–1937), Л.З. Эйдлин (1909/1910–1985), Л.Н. Меньшиков (1926–2005), Б.Б. Вахтин (1930–1981), С.А. Торопцев и проч. Их участие позволило не только создать понятные и интересные для публики переводы, но и поставить вопрос о правилах научного художественного перевода китайской поэзии. Дискуссии о правилах этого непростого искусства на протяжении десятилетий были важной частью научной жизни российских китаеведов и причиной сейчас уже почти легендарных баталий между сторонниками примата «художественности» и адептами «точности». Принципиальная невозможность окончательного решения данной проблемы, кажется, осознаваемая обеими сторонами, не мешала ожесточённости споров.

Русские переводы лирики ярчайшего представителя танской поэзии — Бо Цзюй-и (772–846) — являются важной частью этой традиции, и именно эту традицию, как нам представляется, удачно продолжает рецензируемая книга.

Она включает в себя снабжённые предисловием и комментариями поэтические переводы ста четверостиший *цзюэ-цзюй* («оборванные строки») великого китайского поэта раннего средневековья, творчество которого занимает заметное место в истории китайской литературы. Его стихотворное наследие исключительно велико, оно отличается лиризмом и новаторством. Предложенные им формы и образы стали примером и объектом подражания для многих поколений китайских поэтов последующих эпох. Поэтому неудивительно, что российские китаеведы-филологи не раз обращаясь к творчеству этого поэта, описывали его биографию, исследовали его произведения и, конечно, переводили его стихотворения. В ряду переводчиков и исследователей такие хорошо известные имена, как Б.А. Васильев, Ю.К. Щуцкий, В. Перелешин (В.Ф. Салатко-Петрище, 1913–1992), С.А. Торопцев, основным же специалистом являлся Л.З. Эйдлин, автор наибольшего числа переводов и отдельного монографического исследования, созданного им в рамках диссертационной работы ещё в 1942 г., но, к сожалению, не опубликованного. Труды этих учёных заложили фундамент для постижения художественного наследия Бо Цзюй-и, но отнюдь не исчерпали его. Благодаря им был очерчен зна-

чительный круг проблем, связанный и с задачами перевода стихотворных произведений. Основная из них: выбор самой формы перевода — рифмованным или белым стихом (т.е. в виде доведённого до уровня публикации удобочитаемого подстрочника).

Подстрочник удобен для литературоведческих работ, когда на первое место выступают задачи филологического, лингвистического анализа, а когда в руках поэтический сборник, долженствующий хоть в какой-то степени передавать художественное воздействие стиха, подстрочный перевод вряд ли может претендовать на успешное решение поставленных задач.

Книга Наталии Орловой, написанная под научным и творческим руководством А.И. Кобзева, занимает в этом ряду достойное место, а саму переводчицу можно считать продолжателем дела, начатого выдающимися предшественниками. Автор и позиционирует свою работу именно как продолжение труда предшественников, прежде всего Л.З. Эйдлина, в чьём переводе впервые появились на русском языке опубликованные сто стихотворений. Однако Н.А. Орлова в своей книге делает значительный шаг вперёд — стихи представлены в рифмованном переводе, что гораздо ближе к китайскому источнику, чем «белый» перевод Л.З. Эйдлина.

Книга обладает целым рядом бесспорных достоинств.

Прежде всего, нельзя не отметить системность подхода. Для перевода были выбраны стихотворения одного жанра, которые дают целостное представление об этой стороне творчества великого танского поэта. Удачен выбор и порядок их расположения. Все они даны в хронологической последовательности, по мере написания, и максимально точно датированы. Соответственно, у русскоязычного читателя впервые на примере стихотворений одного жанра появляется возможность проследить творческую биографию автора, увидеть лирический отклик поэта на события в его жизни и на происходящее вокруг него, с его друзьями, членами семьи, властью предрешающими и т.п. Иными словами, такое размещение стихотворений позволяет рассматривать их как своего рода поэтические иллюстрации к жизненному пути художника, отражающие его переживания относительно взлётов и падений, впечатления от жизненных перипетий, радости от обретения новых друзей и скорби по ушедшим. Такой подход, на наш взгляд, более чем правомерен и, кроме того, мог бы быть использован в качестве крайне интересного инструмента при написании новой биографии Бо Цзюй-и.

Удачна и форма подачи материала. В кратком предисловии автор рассказала о значимости поэзии Бо Цзюй-и, описала сложности перевода и объяснила некоторые свои подходы, познакомила с историей

изучения его в нашей стране. Замечательно, что она не побоялась каждый свой поэтический перевод предварить оригинальным текстом. Теперь всякий владеющий китайским языком, а таких в нашей стране становится всё больше и больше, может познакомиться и с оригиналом, и с переводом одновременно. Далек не всегда наши переводы имеют вид билингв — и это нередко позволяет переводчикам скрывать недостатки и упущения своих работ. Благодаря такому решению автора и издателя данная книга также может иметь применение в учебном процессе.

Кроме того, информативны и всегда уместны небольшие лаконичные пояснения, размещённые под переводом стихотворения на той же странице. Таким образом, внимание читателя закрепляется на одних строках и выуживая из многочисленных комментариев в конце книги небольшое пояснение. Подобная форма размещения материала позволяет внимательнее и глубже знакомиться со стихотворением, не отвлекаться и не совершать лишних действий. Это создаёт свой интересный эффект и способствует проникновению вглубь поэтического текста.

Нельзя не отметить и того, что книга изящно свёрстана, представляет интерес не только как текст, но и как образец книгоиздательского искусства.

Нам представляется исключительно похвальным стремление Н. Орловой осуществить именно поэтический перевод, то есть средствами современного поэтического языка и форм выражения передать глубину и тонкость поэтического вдохновения великого поэта другой страны и носителя другой культуры. Тем самым переводчик пытается приблизить его к российской ментальности, сделать его понимаемым и воспринимаемым русскоязычным читателем. В значительной степени ей это удалось. Важно, что создавая рифмованный перевод и следуя законам поэтической *метрики* (учения о строении стихотворной строки), *эвфонии* (учения о сочетании звуков), *строфики* (учения о сочетании строк) и *ритмики* (учения о ритме стиха), автор стремится и к точности перевода оригинала. Она не создаёт своё произведение на мотив стихотворения восточного автора (так зачастую поступали переводчики прошлого), а напротив, стремится показать творчество Бо Цзю-и во всей его полноте и разнообразии. Здесь много интересных находок, которые могут послужить примером для других переводчиков. Встречаются и шероховатости, но и они важны, поскольку благодаря им выявляются, а не «затушёвываются» сложные и проблемные места понимания оригинала.

Важнейший вопрос — равновелики ли степени поэтической свободы переводчика и поэта. Нам думается (возможно, ошибочно),

что всё-таки у поэта, создающего свои собственные стихи, степень поэтической свободы больше, чем у того, кто переводит чужие стихи.

Но, что и говорить, поэтический перевод — результат творчества. И как известно, в творчестве нет пределов совершенства. Результаты творчества поэтов-переводчиков оцениваются читателем по его разумению и на его вкус. Поэтому сразу оговоримся, что высказываемые ниже наблюдения не являются замечаниями, а отражают мнение авторов данных заметок как читателей книги. Мы не являемся ни литературоведами, специалистами в области истории танской поэзии, ни знатоками поэзии в целом. Тем не менее каждый, кто имеет дело в своей повседневной работе с переводом источников, сталкивается с рядом проблем сугубо переводческого характера. Поскольку автор переводов хорошо владеет классическим китайским языком, достаточно знакома с творчеством переводимого поэта, эпохой, в которую он жил, то перевод заслуживает особого внимания. Важны и достижения, и шероховатости. Последние сами по себе очень интересны с точки зрения переводоведения.

Было бы замечательно, если бы в предисловии автор сказала немного больше о приёмах своего перевода. Тем более что ему была поставлена сложнейшая задача — одновременно дать и точный, и поэтический перевод. А учитывая, что при переводе использованы сложные поэтические техники, можно поставить вопрос: где границы их применения?

В книге много, на наш взгляд, удачных переводов, к примеру:

Утром тоскую —
 иволги стаей свистят.
Ночью ревную —
 ласточки парами спят.

В парах противопоставлений всё на своем месте: утро — ночь, тоска — ревность, стая — пара. Далее:

Как неповадно
 врозь мне весну коротать,
Только и знаю,
 что до рассвета рыдать (с. 21).

Здесь разве что внимание современного читателя чуть задержится на сочетании слов «неповадно» и «коротать весну». Слово «неповадно» очень хорошее, древнее, поэтому в словарях даётся с пометой «устаревшее». В прошлом оно имело большой круг значений, в том числе «непривычно, нежелательно, неудобно». Но, как у любого старинного слова, сейчас круг его значений сужается, и в современном русском языке используется выражение «чтобы ему неповадно было

(делать что-либо)» в значении «отучать, чтобы не было привычки к чему-либо» (Словарь Ожегова). Но ведь речь идёт о переводе средневекового стихотворения, поэтому этот устаревающий круг значений как раз представляется уместным. Кроме того, переводу этого стихотворения присуща ясность, достигнутая простотой стиля.

Добиться цельности при переводе стихотворения — задача непростая. Порой удачно переведённые отдельные строки могут не составлять единства. И тогда единая смысловая и эмоциональная система произведения рассыпается на части. Художественный эффект перевода значительно уменьшается.

Есть переводы, которые, если рассматривать их в целом, представляются менее удачными или спорными. Разберём те из них, которые порождают некоторые переводческие коллизии. Ещё раз отметим, что это никакие не ошибки, а именно сложности перевода, которые следует обсудить. Например:

Фирмианы у колодца плещет редкая листва,
По соседству раздаётся стук осеннего валька.
Спать прилёг один в покоях под нависшею стрехой,
А очнулся я на ложе рядом с ясною луной (с. 15).

Тут вольно или невольно затронуты несколько исключительно важных для переводоведения вопросов, на которые хотелось бы обратить внимание: перевод названий растений, использование устаревших слов при переводе реалий, например, как здесь, деревенской жизни; выбор поэтического размера и ритма, сочетание слов разного стиля.

Перевод названий экзотических для нас растений всегда представляет проблему. Как переводить? Словом, взятым из латинской номенклатуры? Фонетически калькируя китайское название, например, породы дерева *утун* (так у Л.З. Эйдлина)? Подбирая некий аналог из привычной нам растительности — вяз, кипарис, платан и пр., чтобы не перегружать текст экзотикой (тем более что для китайского читателя никакой экзотики в этом не было)? Автор пошёл по первому пути (с. 11, 13, 15).

Также уместно вспомнить четыре стилистических слоя русского языка: *торжественный* (лик), *нейтральный* (лицо), *фамильярный* (рожа), *вульгарный* (морда)². Очевидно, что переводчик приняла решение не ограничиваться спасительным (но пресноватым) нейтральным стилем, а пытаться где можно играть ими, используя в одном стихотворении слова и выражения, относящиеся к разным стилям. Это тот поэтический приём, которым овладеть очень непросто.

² Чуковский К.И. Высокое искусство. Т. 3. М., 2001. С. 96.

Сложность в том, что в поэтической речи торжественный стиль часто задаётся устаревшими словами. Но не всегда их значение может соответствовать современным. В таких случаях приходится решать: ориентироваться или нет на современную речевую практику. Использование устаревших слов — тонкий поэтический приём.

В стихотворении «Стихи, что давно написал...» (с. 27) есть строка «Людей не влечёт моих виршей настенная вязь». Здесь мы видим результат очень глубоких размышлений переводчика, его поиска, напряжённого труда, благодаря чему словом «вирши» удачно передано традиционное китайское и, видимо, присущее поэту самоуничижение, которое при этом компенсировано возвышенной «вязью».

Как известно, иронию в переводе передать трудно. В стихотворении «Провожая корректора Ли...» (с. 157) яркое жаргонное выражение «редкий экстремал» выглядит анахронизмом, слишком современное это слово (да и всё выражение).

Из технических пожеланий: поскольку в название книги вынесено словосочетание «сто стихотворений», видимо, имело смысл их пронумеровать. Так было бы удобнее на них ссылаться.

Обратим внимание и на то, что при первом упоминании фамилия поэта записана двояко через косую черту: Бо/Бай. Автор так попыталась показать различие устоявшихся форм произнесения соответствующего иероглифа в русской и китайской (а ныне и западной) традиции. Однако простое упоминание вариантов не означает объяснения причин разночтений. Принятый в русской литературе и мало распространённый в современном Китае вариант Бо опирается на так называемое книжное, школьное чтение знака, используя которое в старом Китае пытались приблизиться к «древнему» звучанию; доминирующий в Китае вариант Бай опирается на современную фонетику. Оба варианта равно далеки от среднекитайского чтения этого иероглифа (Бэк), так что вряд ли можно обосновать превосходство того или иного из них — в данном случае достаточным основанием для выбора может быть практика использования, т.е. принятие в русском тексте варианта Бо Цзюй-и не требует оговорок. Но приводимые варианты, без сомнения, требуют пояснений.

Мы рассчитываем на то, что автор переводов продолжит свою деятельность. Удачных переводов несоизмеримо больше, а несовершенные на первый взгляд переводы всегда можно объяснить авторским замыслом. И с этим будет сложно поспорить.

То, что все стихотворения в книге переведены в рифму, порождает целый ряд перспектив творческого развития такого подхода. А также побуждает заинтересованных читателей к конструктивному обсуждению того, какие приёмы и техники лучше использовать, ставя перед

собой задачу поэтического перевода китайской классической поэзии. Вопросов много. Например, нужно ли оценивать поэтический перевод по тем же критериям, что и оригинальное стихотворение? Если нет, то что является критерием оценки поэтического перевода? Можно ли поступиться точностью? Если да, то в какой степени?

От переводчика требуется и владение навыками стихосложения. Использование аллитерации и различных фигур поэтической речи требуют виртуозного исполнения, большого мастерства, которое нарабатывается годами. И даже у маститых переводчиков встречаются промашки. Но главное — поэтическое произведение носит целостный характер. От переводчика требуются особые усилия, чтобы, стремясь сохранить точность, передать и эту целостность. Речь о сочетании слов друг с другом, которые в поэтической строке, строфе и во всём стихотворении при всех самых изощрённых поэтических фигурах и приёмах составляют незримую, но ощутимую смысловую и эмоциональную паутину. Эти смысловые связи слов имеют тонко уловимые границы, нарушение которых порождает у читателя ассоциации и эмоции, отличные от тех, которые мог предполагать переводчик. Пренебрежение этим, невнимание к этому порождает коллизии сочетания несочетаемого или плохо сочетаемого между словами и выражениями в разных частях перевода. Нарушение допустимо только в том случае, если это осознанный приём, который, будучи удачным, даёт большой эстетический эффект, подчёркивая художественные достоинства оригинала.

В заключение ещё раз отметим, что сборник переводов ста стихотворений Бо Цзюй-и, выполненный Н.А. Орловой, является новаторским, он, бесспорно, привлечёт внимание читателей, как специалистов, так и ценителей китайской литературы, к танской поэзии и к творчеству её ярчайшего представителя Бо Цзюй-и. Будем надеяться, что эта книга, благодаря своим неоспоримым достоинствам, вновь вернёт «восточные переводы» на книжные полки и прикроватные тумбочки всей «думающей публики». Это пошло бы на пользу как читателям, так и синологии.

S.V. Dmitriev, M.Yu. Ulyanov***

On the book of Bo Juyi's poems translations

ABSTRACT: The article presents remarks on publication of one hundred verses in the *jueju* style by Bo Juyi, translated into Russian by Natalya Orlova. The publication became a notable event and the book took a rightful place among other translations of Chinese poetry into Russian. The author made every possible effort to translate as true to the orig-

inal as possible while also sticking to poetical form, and in many respects she succeeded. Translations are accompanied by hieroglyphic texts and brief comments on main cultural and historical details in the original given by the translator. The publication allows raising a number of key matters, for example, what a poetic translation is meant to be? which skills and techniques are better to be applied to in poetic translation of Chinese poetry?

KEYWORDS: Chinese classical poetry, Tang poetry, Bai Juyi, Bo Juyi, Po Chu-i, translations.

* Dmitriev Sergey Victorovich, PhD (History), senior researcher, China department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: ehidna-family@yandex.ru

** Ulyanov Mark Yuryevich, PhD (History), associate professor, Head of the Chinese Philology Chair of the Institute for Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russia; E-mail: ulm@mail.ru